

Ефим Курганов

АЛЕКСАНДР БЛОК КАК СТОИК

В статье *Крушение гуманизма* Блок выделил два типа времени – календарное и музыкальное. Для него самого значимо было прежде всего именно второе – оно помогало фиксировать не внешние, формальные, а внутренние, глубинные связи. Блок ловил волны, идущие от мирового музыкального оркестра, и при этом для него было совершенно не важно, что одно принято относить к прошлому, а другое – к настоящему. Более того, прошлое могло быть для Блока абсолютно настоящим, а настоящее, если оно казалось случайным или ощущалось совершенно не близким, бесповоротно виделось в прошлом.

Музыкальное время могло не считаться с календарным. Записи, которые Блок делал на полях *Руководства по всемирной истории* Ф. Лоренца,¹ свидетельствуют о принципиальном отказе от хронологического принципа. Ставя фигуры тех или иных исторических деятелей, Блок демонстративно не учитывает, к т о з а к е м , прежде всего исходя из фактора внутренней близости.

Записи на полях книги Ф. Лоренца, судя по всему, делались в 1918–21 гг., в период работы над статьей *Крушение гуманизма* и очерком *Катилина*. Однако приоритет музыкального времени перед календарным Блок понял еще в период своего творческого становления. В одной из начальных записей (третьей по счету) своей первой записной книжки (сентябрь 1901 г.) он отметил:

Когда родное сталкивается в веках, всегда происходит мистическое. Так Пушкин столкнулся с Петром. Когда он заводит о Петре – сейчас звучит тайное. Так и истинно христианствующее, когда встречаются с Христом – Достоевский в учениях старца Зосимы (и все Карамазовы!). „Здесь тайна есть“, ибо истинно родное сошлось в веках, и, как тучи сошедшиеся, произвело молнию.²

¹ Анализ этих записей см.: Л.А. Ильюнина, „К вопросу об историософии Блока“, *Александр Блок. Исследования и материалы*, Л. 1991 г., 43–46.

² А.А. Блок, *Записные книжки*, М. 1965, 21–22.

Это было сформулировано для себя, для внутреннего уяснения характера самодвижения духа. Громогласно же заявил Блок о своем подходе, лишь пойдя на свободное сближение со стихией, которая неминуемо должна была затопить и его самого и его мир – в 1918–21 гг. Но, повторяю, свои взаимоотношения с историей Блок определял гораздо раньше. Просто вступая в завершающий период своего трагического пути, он понял, что настала пора обозначить формулу, которая поможет понять его место в мире и его отношение к жизни. В очерке *Катилина* Блок ввел такое понятие, как „рифма истории“. Он имел в виду, что исторические события, не смотря на временные разрывы, вдруг начинают сближаться друг с другом, начинают рифмоваться. Но рифмуются, конечно, не только события, но и личности. Сам Блок рифмуется не с Сологубом, не с Мережковским, не с Брюсовым, не с Вяч. Ивановым.

Скажем, то, что Вяч. Иванов эстетически переживал, обыгрывал как некую культурную метафору, для Блока было реальностью, живой, болезненной, трагической, настолько живой, что никакие игры тут уже были невозможны.

В отличие от Иванова, Блок не стилизовался под эллина, – он чувствовал себя им и считал, что другим, хочет он того или не хочет, стать не сможет. Для Иванова эллинство было выбором одной из культурных масок, а для Блока оно было судьбой.

Иванов, при всей своей погруженности в античность, в полной мере явился европейцем начала XX столетия, сухим и книжным, рационалистом, играющим в мистика. Блок был другой породы, и книжность его была другая, зачастую современниками вовсе не осознававшаяся как книжность. И при этом он остро чувствовал начетнический, неорганичный характер эллинства Вяч. Иванова. В дневнике своем Блок, в частности, отметил:

Вячеслав проповедует упорно и, я сказал бы, без музыкального слуха.³

Отмечая у Иванова отсутствие музыкальности, Блок исходил из своих особых критериев, в основе которых лежала неприемлемость для него типа современной европейской образованности. Именно то, что Блок ощущал бесповоротность своей психологической принадлежности к иной культурной породе – к эллинству, и отделяло его от игр Вяч. Иванова.

Для Блока рок был не менее, если не более вещественен, чем личность самого Иванова, или личность любого его сторонника. Более того, для Блока рок обладал статусом повышенной реальности. Именно непосредст-

³ А.А. Блок, *Дневник*, М. 1989, 122.

венное, до болезненности, ощущение рока, не связанное с какими бы то ни было культурными ассоциациями, ощущение природное, нутряное и определяло в главном духовный феномен Блока.

Да, Блок был совершенно не книжным человеком, если сравнивать его с людьми его круга. Точнее книжность Блока была иная, особая. Он явственно притягивается к совершенно иной породе людей, к иному культурно-психологическому типу. К какому именно? Указание на принадлежность к эллинизму важно, но оно является слишком общим. Итак, к какому культурно-психологическому типу реально принадлежал Блок? Об этом и пойдет сейчас речь.

* * *

Поэма *Двенадцать* Александра Блока вызвала ураган эмоций, замешанный на гнев и отвращении. Раздались крики о полном падении того, кто считался едва ли не самым *чистым* и *честным*, наименее сгибаемым, наименее сбываемым со своего пути. Но Блок так и не сбился со своего пути. Просто современники, полагая, что находятся со своим поэтом в одном измерении, на самом деле пребывали в измерении, мало что имеющем с подлинно блоковским. Отсюда и непонимание, в полной мере обнаружившееся лишь после взрыва, который произвел появление поэмы *Двенадцать*.

Блок по внутреннему мироощущению своему был стоик, стоик в античном смысле этого слова. Тут не было ничего книжного, ничего начетнического. Просто Блок был во власти тонического ритма (термин стоиков!) — ритма, основанного на сочетании внешних и внутренних толчков.

Блок ощущал себя личностью, обладающей способностью к улавливанию внутренних гулов времени. Более того, он считал, что если бы этого не происходило, то его как подлинного писателя не было бы вовсе. В статье *Душа писателя* он определенно и даже жестко отметил:

...Только наличностью пути определяется внутренний „такт“ писателя, его *ритм*. Всего опаснее — утрата этого ритма. Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть неперемнное условие писательского бытия.⁴

Из этой статьи-декларации 1909 года самым непосредственным образом вытекает — как реализация этой декларации — знаменитая *Интеллигенция и революция* 1918 года, которая, собственно, и не статья даже, а пламенное вещание, открывающее внутренние толчки времени, открывающее их

⁴ А.А. Блок, *Соч. в 2-х т.*, М. 1955, т. 2, 105.

абсолютную неизбежность, открывающее, что революцию невозможно предотвратить, заглушить, как нельзя остановить извержение лавы.

Ощущая воспламенение мира, Блок считал, что он должен быть внутри этого процесса, иначе его поэтическая миссия теряла бы всякий смысл. Более того, он считал, что должен приветствовать это всеобщее воспламенение, хотя оно и несло ему лично только гибель.

Для XX-го столетия требования, предъявлявшиеся Блоком к писателю, были, мягко говоря, не традиционные. Причем, это было не просто и не только требования.

Как и многие его современники, Блок был потрясен землетрясением в южной Италии, унесшим сотни тысяч жизней. Но, в отличие от современников, он двинулся далее и возвестил, что чувствует еще более грандиозное отклонение стрелки сейсмографа, что грядет социальная катастрофа (Г. Чулков писал в воспоминаниях своих, что Блок сам был сейсмографом):

Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землею, а под нами – громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы.⁵

Это было возведено в 1908 году, в статье *Стихия и культура*. После нее Блок до самого конца продолжал неуклонно вслушиваться в подземные гулы, ждал катастрофу, видя в этом едва ли не главное свое предназначение. Как же все-таки объяснить это необычное для нашего столетия понимание миссии писателя?

По Блоку ведь быть писателем прежде всего означало не столько писать книги, сколько уметь вслушиваться в подземные гулы времени. При этом он был убежден, что сможет считать себя писателем лишь до тех пор, пока сохранит в себе способность чувствовать внутренний ритм истории.

Многих современников, в том числе и людей из блоковского круга, такой подход ввергал в изумление. Они признавали в Блоке поэта, но отнюдь не пророка. Г. Чулков, в частности, писал, что „у Блока еще менее было прав на учительство, чем у Гоголя“.⁶ Понимание Блоком писательского бытия выглядело если не исключительным, то особым.

Если ограничиться XX-м веком, то ключа тут, как мне кажется, не найти. Ответ, как мне кажется, нужно искать в античности, но не в античности как таковой. Можно указать на более конкретную среду.

⁵ Блок А.А. Соч. в 2-х т., т. 2, 101.

⁶ Письма Александра Блока, л. 1925, 115.

Как уже указывалось выше, строики открыли ритм особого движения (тонического), которое обеспечивает контакт с природой, восстанавливает нарушенную человеком полнокровность бытия:

Существуют те, кто, подобно стоикам, говорит, что в телах существует „тоническое движение“, которое движет одновременно внутрь и наружу. Наружное движение создает количество и качество, в то время как внутреннее продуцирует единство и субстанциональность.⁷

Принцип тонического движения и объясняет подход Блока к творчеству. При этом только следует помнить, что Блок не столько следовал доктрине стоиков, сколько совпадал с ними в своем внутреннем жизнеощущении.

Стоичность Блока была естественно природная. Вне учета данного обстоятельства путь поэта и особенно трагическая вершина, увенчавшая этот путь, останутся не только малопонятны, но и загадочны.

Еще Россия трепыхалась и буйствовала, а Блок уже чувствовал, что ей отведены считанные часы, что сейчас она совершит несколько неизбежных шагов и затем с такой же неизбежностью очутится в бездне. И этот путь он должен был пройти вместе с нею. Только вместе с нею. Все это было решено задолго до *Двенадцати*. Поэма явилась закономерным и единственно возможным финалом, заключительным актом трагедии. И Блок это осознал с абсолютной точностью.

Напомню, что в знаменитом стихотворении своем *З.Н. Гиппиус (При получении „Последних стихов“)* он с предельной отчетливостью заявил:

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.⁸

Эта поразительная самооценка показывает, что поэма *Двенадцать* явилась проявлением подлинно стоического мужества, осознанным самоубийством. Поэт не желал быть просто захлестнутым валом, и он ринулся ему навстречу. Блок знал, что его мир обречен. Жизнь по инерции, жизнь в небытии для него была неприемлема, и он ушел осознанно и осмысленно, как с ужасом вспоминал потом Алянский:

⁷ J. Arnim, *Stoicorum veterum fragmenta*, Lipsiae 1905, t. 2, 148, fr. 451.

⁸ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, Л. 1980, т. 2, 256.

... как систематически и точно выполняется задуманный план, будто поэт подходит всему итогу. Уж не прощается ли он со всем, что наполняло его жизнь? Какая длинная цепь прощальных актов...⁹

Ушел, как и первый стойк Зенон из Китая, фактически задержав дыхание:

Умер он (Зенон – Е.К.) так: уходя с занятий, он споткнулся и сломал себе палец; тут же, постучав рукой оземь, он сказал строчку из „Ниобы“: „Иду, иду я: зачем зовешь?“ – и умер на месте, задержав дыхание.¹⁰

Алянский увидел, как Блок спокойно, бесстрастно, стоически готовится к уходу. Увидел, но не понял тщательно запланированной и неуклонно исполняемой серии *прощальных актов*. Между тем, все они буквально вытекали из *Двенадцати*, ибо поэма была ничем иным как намеренной задержкой блоковского дыхания, финальным жестом перед шагом в небытие.

Блок не радовался миру, но он считал его возникновение абсолютно неизбежным, таким же неизбежным, как и гибель своего мира. Всякая попытка реанимирования его мира могла вызвать у поэта лишь ужас и отвращение. Он знал о полной бессмысленности этих попыток. Назад пути не было. Так же для Блока была бессмысленна и эмиграция. Жить вне своего мира для него было равносильно небытию. А прежняя, его Россия уже растворилась, распалась на составные элементы, расплавилась.

В мае 1918 года Блок писал Зинаиде Гиппиус:

Неужели Вы не знаете, что „России не будет“ так же, как не стало Рима – не в V веке после Рождения Христова, а в 1-й год I века?.. что мир уже перестроился: что „старый мир“ уже расплавился?¹¹

А в дневнике (запись от 4 марта 1918 г.) он выразился еще жестче:

9/10 России (того, что мы так называли), действительно, уже не существует. Это был большой, давно сгнивший; теперь он издох; но он еще не похоронен; смердит. Толстопузые мещане злобно чтут память трупа (у меня непроизвольно появляются хорей, значит, может быть, погибну).¹²

⁹ С.М. Алянский, „Последние месяцы жизни Блока“, *Встречи с Александром Блоком*, М. 1969, 152.

¹⁰ Дюген Лазэртский, *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*, М. 1986, 256–257.

¹¹ А.А. Блок, *Собр. соч. в 8-ми т.*, М.-Л. 1962, т. 7, 336.

¹² А.А. Блок, *Дневник*, 267.

Блок считал, что нужно не пытаться остановить пожар, вступая в пререкания с судьбой,¹³ уже принявшей свое бесповоротное решение, а броситься в пламя, чтобы оно было ярче, сильнее и яростней, чтобы быстресс распадавшиеся элементы сцепились, связались в новой связке и пришли в состояние равновесия:

Требуется *действительно* похоронить отечество, честь, нравственность, право, патриотизм и прочих покойников, чтобы *музыка согласилась помириться с миром*.¹⁴

Он понял, что должен уйти вместе со своим миром, но уйти осознанно, приветствуя лично чужой, но неизбежный новый мир, благословляя его как бы из могилы. Это вполне отвечало идеалу стоической свободы, когда глубина и смелость духа существуют в синтезе с глубиной и опять-таки смелостью в познании мира, в познании законов, им управляющих.

Первые стоики любили пример с собакой и колесницей. Хрисипп, в частности, говорил:

Собака может бежать с колесницей и сделать тем самым свободу выбора помощницей необходимости или может сопротивляться движению и тащиться вслед за колесницей.¹⁵

Блок не мог тащиться за колесницей, ибо он проникал внутренним своим взором в законы мировой судьбы и поступал в соответствии с ними. Он свободно принял выбор, неизбежность которого современники не смогли увидеть. Он не только провидчески открыл неизбежное, но еще и бесстрашно пошел ему навстречу.

С каким культурно-психологическим комплексом не формально, а концептуально было связано такое поведение? Попробую ответить на этот вопрос, от ответа на который зависит постижение музыкальной (т.е. внутренней, подлинной) среды Блока.

Стоицизм готовил человека к уходу, красивому, гордому, осмысленному. Стоицизм эстетизировал гибель, рассматривая жизнь человека как подготовку к финальному акту трагедии.

Современный исследователь констатирует:

¹³ Включив в дневник (запись от 11 сент. 1918 г.) автобиографический этюд о периоде своего творческого самоопределения, Блок в характеристике 1901 года в своей жизни отметил (это имеет самое непосредственное отношение к позиции Блока не только в 1901, но и в 1918 гг.): „Психология этого времени – против *борьбы* (на нее тратятся пошлые силы“) (*Дневник*, 283).

¹⁴ А.А. Блок, *Дневник*, 270.

¹⁵ Пересказ Хрисиппа даю по изд.: А.С. Степанова, *Философия древней Стои*, СПб. 1995, 183.

Этика — кульминация учения Стои, та ее цель, на которую „работают“ и логика, и физика.¹⁶

При этом следует только помнить, что стоическая этика именно накрена к концу; фактически она есть философия последней точки. Не случайно стоик Эпиктет в рассуждении *О том, что такое истинная свобода* отмечал:

...Я назову свободным только такого человека, который поступает по своей совести, не боясь никаких напастей и мук, ни даже самой смерти. Мудрец Диоген говорил: „Только тот истинно свободен, кто всегда готов умереть“...¹⁷

И само улавливание зова судьбы прежде всего есть улавливание именно конца, грядущей гибели не как случайности, а как структурно предопределенной неизбежности.

Блок если о чем и думал в своей жизни и чего больше всего ждал, к чему более всего готовился, так к своему концу, и именно гибельному концу. Л.Д. Блок со всей определенностью заявила в своих мемуарах:

Саша, как всегда, спокоен и охотно идет навстречу всему худшему, — это уж его специальность!¹⁸

Причем, это в наименьшей степени было следованием определенной доктрины. Поэт именно предощущал финал и ждал его, свой и общий. Л.Д. Блок вспоминала еще о Блоке периода *Стихов о прекрасной даме*:

Он был пронизан огненными лучами заката — словно все горело: „Тяжелый огонь окутал мирозданье“.¹⁹

Тончайшая, нервно-психическая организация Блока была настроена на финал. То был глубинный, внутренний стоицизм.

Совершенно очевидна едва ли не постоянная одержимость Блока гибелью, сосредоточенность его на ней. В *Стихах о прекрасной даме* поэт свидетельствовал:

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.

¹⁶ А.А. Столяров, *Стоя и стоицизм*, 161.

¹⁷ *Римские стоики*. М., 1995, 232.

¹⁸ Л.Д. Блок, „Быль и небылица о Блоке и о себе“, *Александр Блок в воспоминаниях современников*, т. 1, 177.

¹⁹ Там же, 155.

Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар – впереди.²⁰

А Блок зрелый, достигший творческого мужества признался как-то Чуковскому:

Именно о катастрофе и гибели заговорил он в тот памятный вечер, когда мы сидели за чаем в его маленькой узкой столовой. Говорил он одушевленно, каким-то задумчивым голосом, какого я у него никогда не слышал;²¹

Самое слово *гибель* Блок произносил тогда очень подчеркнуто, в его разговорах оно было заметнее всех остальных его слов, и наша беседа за чайным столом мало-помалу свелась к этому предчувствию завтрашней гибели...²²

Жизнь Блока была пронизана ощущением грядущей гибели. Более того, весь смысл своего бытия поэт видел в неуклонном и последовательном движении к финальному акту трагедии. Несомненно, Блок находился в стоической парадигме.

Он свободно принимал веления судьбы, которая являлась для него не абстракцией, не метафорой, а абсолютной реальностью.

Блок открыл для себя – вернее через себя для всего своего поколения – действительность рока. Он снял книжный слой, и оказалось, что механизм рока продолжает и в XX столетии активно и насыщенно работать:

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ – победно и влюбленно –
В снежной мгле поет рожок...²³

Однако Блок не только открыл реальность рока, – он вызвал его, материализовал и сам двинулся ему навстречу, и не в рывке, не в порыве, а последовательно и обдуманно и в то же время естественно и предельно органично. Вырвал из небытия, из хаоса судьбу, во всей остроте ощутил ее, чтобы затем свободно и бесстрашно принять свершающееся во всей неизбежности. То была не общеантичная вера в судьбу, а именно акт стоического мужества.

²⁰ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, т. 1, 247.

²¹ К. Чуковский, „Александр Блок“, *Александр Блок в воспоминаниях современников*, т. 2, 226.

²² Там же, 227.

²³ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, т. 2, 173.

По представлениям поздних стоиков (первые два века нашей эры) человек слаб и немощен и потому вынужден покоряться судьбе. Между тем, исходная позиция школы была принципиально иной. Конечно, и для первых стоиков человек – раб своей природы, даже если и идет по стезе мудрости. Но при этом идущий по такой стезе должен обладать громадной внутренней силой и решимостью для того, чтобы отказаться от бессмысленной борьбы. Вступление в борьбу, не согласную с движением судьбы, для первых стоиков как раз и есть проявление слабости.

Блоку внутренне был близок подход именно первых стоиков. Уже в 1911 году поэт сформулировал свое первое кредо:

Смысл трагедии – безнадежность борьбы; но тут нет отчаянья, вялости, опускания рук. Требуется высокое посвящение.²⁴

Субъективно Блок мог себя представлять кем угодно, но объективно он был стоиком, и от этого никуда не уйти. Современники предпочли не замечать данного обстоятельства, даже античник Вяч. Иванов, бойкотировавший Блока после *Двенадцати* и за *Двенадцать* вместе с Ф. Сологубом, З. Гиппиус и др.

Поэма была воспринята как предательство по отношению к своему миру. Однако если рассматривать *Двенадцать* в контексте стоической этики, то поэма есть не предательство, а осознанный шаг в бездну, движение навстречу *Шагам Командора*, навстречу судьбе.

Собственно, так и было. Еще с 1908 года, со статьи *Стихия и культура*, Блок начал это неуклонное движение в небытие. *Молчаливый, каменный, не сбиваемый*²⁵ Блок шел, чтобы уйти со своей Россией. Он знал, в отличие от многих, куда она идет и хотел быть вместе с ней. Строго говоря, ощущать свой путь как неуклонное движение к бездне Блок начал достаточно давно, еще с ранней юности, а с 1908 года он стал уже прибегать к жестким и грозным формулам -предостережениям.

²⁴ А.А. Блок, *Дневник*, 81.

²⁵ Ср. с характерными свидетельствами современников, фиксировавшими внешнее, но при этом явно подразумевавшими и внутреннее: "...Я упорно не понимал и требовал объяснений непонятных мест, совсем как знаменитые критики того времени. Блок ничего объяснить не мог и только улыбался своей безмятежной и каменной улыбкой греческой статуи" (С. Городецкий, "Из воспоминаний об Александре Блоке", *Я лучшей доли не искал: Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях*, М. 1988, 177); "Лицо прямое, неподвижное, такое спокойное, точно оно из дерева или из камня" (З. Гиппиус, *Живые лица: Соч. в 2-х т.* Тбилиси 1991, т. 2, 9); "Блок весь твердый, точно деревянный или каменный" (там же, 13). Интересно, что и сам Блок, скупой на признания, отметил: "я знаю [...] что сознательно иду по своему пути, мне предначинанному, и должен идти по нему неуклонно" (А.А. Блок, *Собр. соч. в 8-ми т.*, т. 8, 184).

Ясное предчувствие своей гибели и неукротимое стремление идти ей навстречу проявились у Блока, как только стала оформляться его личность. Все это было поначалу крайне неотчетливо, но ощущение гибели было самым несомненным, что очень точно и выразительно засвидетельствовал в свое время Корней Чуковский:

...Теперь, когда стали известны многие его письма и отрывки из дневника, мы видим, что такие предчувствия неотступно владели им чуть ли не с юности. Но, пророча гибель, он долго не мог осознать до конца, кому же он пророчит ее. Его трагические, „гибельные“ мысли долго оставались расплывчатыми, лирически смутными, зыбкими. То ему чудилось, что гибели обречена вся вселенная, то он считал, что „бомба истории“ угрожает одной лишь России... Вообще объекты гибели в то время очень часто менялись, но одно оставалось в его душе неизменным: ожидание беды, уверенность, что она непременно наступит.²⁶

Особенно важно даже не просто то, что Блок чувствовал грядущую гибель свою и мира своего, а еще и то, что он даже не попытался свернуть с готованною судьбою пути – ни в начале и ни в конце.

Так что предательства не было. Он так и не изменил себе. Изменили те – не чуткие к гулам времени, не понявшие велений судьбы, не посмевшие ей взглянуть в лицо, наивно поверившие, что когда-нибудь все может вернуться на круги своя, не пожелавшие увидеть бесповоротности происходящего.

Со стороны Блока было не отступничество, а сочетание мощнейшей интуиции с решимостью взглянуть судьбе в глаза. Блок проявил уникальную способность взглянуть судьбе в глаза и не испугаться. С точки же зрения тех, что хотел бы повернуть вспять движение истории, с точки зрения тех, кто считает, что охвативший землю пожар вдруг уймется и все будет по-прежнему, – Блок был самым несомненным предателем, и вот почему.

Сила и стойкость Блока, его спокойно и верно нараставший трагизм мешали самоутрачиванию слабых. Уверенно и твердо идти к бездне, или всходить на вулкан, или в самую сердцевину давно ожидаемого пожара, способен не всякий. Блок так мог.

Объявившие Блока предателем, видимо, и в самом деле были уверены в его отступничестве, что спасало их от отчаяния, от неизбежного ужаса. Трагический путь не каждому по плечу. И тот, кто его выбрал, для большинства, как правило, непонятен.

²⁶ К. Чуковский, „Александр Блок“, *Александр Блок в воспоминаниях современников*, т. 2, 227–228.

Блок стоически двигался к бездне. Пора, наконец, это в полной мере осознать.

Подлинный стоик – это ведь не просто тот, кто покоряется судьбе. Если бы это было так, то стоиками прежде всего были бы малодушные и слабые. Между тем, стоицизм есть особая, исключительная высота духа.

Все дело в том, что подлинный стоик – это тот, кто резко, непосредственно, предельно остро чувствует судьбу и действует в соответствии с ее велениями, т.е. бестрепетно и открыто идет ей на встречу, какие бы бездны и падения она не сулила.

Стоик всегда хранит верность своей судьбе, но прежде всего он ее ощущает изнутри. Он, по словам современного исследователя, „лучше всех распознает причинные связи и умеет истолковать их как закон своей судьбы“; „для него нет случайности, а значит, и неожиданности; ему нечего бояться, но не на что и надеяться“.²⁷ Стоик внутренне бестрашен, бестрепетен, но при этом он является носителем подлинно трагического сознания. Именно в этом (античном) понимании Блок и был стоиком. Во всяком случае сформулированное им в 1918 году положение по характеру своему является совершенно стоическим:

...Художнику надлежит готовиться встретить еще более великие события, имеющие наступить, и, встретив, суметь склониться перед ними.²⁸

И еще одно обстоятельство необходимо выделить. Разгадывая законы судьбы, стоики исходили из убеждения, что мир периодически воспламеняется, что такое воспламенение закономерно и неизбежно.

В античном мире именно стоики разработали концепцию регулярно повторяющихся воспламенений: „изобретением стоиков было учение о мировом пожаре“.²⁹ При этом воспламенение затрагивало не только космос, но и душу. Собственно, с теории о душе все как раз и началось.

По словам Аэция, „стоики считали, что душа – разумно-пламенная“.³⁰ Причем, именно сильные души, души ищущих мудрости, обладали способностью к воспламенению,³¹ поэтому, видимо, именно они первыми начинали чувствовать, как внутренне нарушается равновесие, как огонь начинает

²⁷ А.А. Столяров, *Стоя и стоицизм*. М. 1995, 205.

²⁸ А.А. Блок, „Ответ на анкету“, *Соч. в 2-х т.*, т. 2, 297.

²⁹ А.С. Степанова, *Философия древней Стои*, 201.

³⁰ H. Diels, *Doxographi graeci*. Berolini: G. Reimer. 1879, 388, fr. 4.3.

³¹ H. Diels, *Ibid*, 393, fr. 7.8.

в б и р а т ь в себя остальные элементы,³² как „весь космос превращается в огненный протосубстрат, из которого начал развиваться“.³³

Возврат к огненной первостихии для стоиков был не только не случаен, – он был закономерен. По их представлению, движение материи (точнее, самодвижение) происходит через периодические воспламенения, через возврат к о г н е н н о м у п р о т о с у б с т р а т у . Но это не просто возврат – это еще и очищение, после которого следует восстановление мира, возрождение его заново.

Так же считал и Блок, полагая, что революция несет не только воспламенение, гибель, но и очищение. Когда же он увидел, что вернувшаяся стихия разрушает, но не очищает, то понял свою ненужность, ибо был носителем и провозвестником именно очищающего огня. Об этом очень точно написал В.А. Зоргенфрей:

На глазах у всех нас умирал Блок – и мы долго этого не замечали. Человек, звавший к вере, заклинаящий нас: „Слушайте музыку революции!“, раньше многих других эту веру утратил. С нею утратился ритм души...³⁴

Р а з у м н о - п л а м е н н а я д у ш а поэта и стихия огня качественно не совпали. Уход поэта был неизбежен. Стоический уход, ведь для стоика главное совпасть с природой, жить в согласии с внутренними природными ритмами.³⁵ Глухота, бесчувственность к глубинным импульсам – это и есть сигнал к уходу.

Блок всегда жил с готовностью к гибели. Но только после 1918 года з а д е р ж к а д ы х а н и я стала неизбежной, ибо именно тогда обнаружился глобальный конфликт с природой, с космосом. Именно после 1918 года собственная гибель для Блока оказалась необходима и актуальна.

Поэт и стихия оказались в разных ритмических зонах, хотя вначале Блоку казалось, что он поймал направление огня, более того, что он сам выражает это направление, что он внутри него, внутри самой огненной сферы. За эту иллюзию он заплатил жизнью.

Повторяю, это был стоический уход. И возник он у Блока абсолютно закономерно и неизбежно, будучи порожденным самим отношением поэта к жизни, к космическим законам бытия. Блок перестал понимать стихию, и жизнь потеряла для него смысл, ведь именно через причастность свою к

³² J. Armin, *Stoicorum veterum fragmenta*, Lipsiae 1903, t. II, 598.

³³ А.А. Столяров *Стоя и стоицизм*, 114.

³⁴ В.А. Зоргенфрей, „Александр Александрович Блок“, *Блок в воспоминаниях современников*, М. 1980, т. 2, 36.

³⁵ „Зенон первый заявил в трактате ‚О человеческой природе‘, что конечная цель – это жить согласно с природой“ (Диоген Лаэртский, *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*, 273).

стихии он прежде всего и ощущал себя поэтом. Вот на какой основе выросла, выкристаллизовалась такая позиция.

Блок был убежден, что периодически мир расплавляется на первоэлементы и затем рождается как бы заново. Отсюда и возникает понимание неизбежности ухода тех, кто связан с миром, обреченным на гибель. Причем, это понимание было лишь внешне пессимистическим (точнее, оно было трагическим, но при этом не пессимистическим).

Блок считал, что он своим уходом уже закладывает новый мир, способствует появлению новой гармонии, в противном случае все теряло смысл (увы, в каком-то плане смысл в конце, видимо, все-таки был Блоком утерян, ибо он перестал чувствовать космическую логику происходящего — трагизм стал приобретать нотки пессимизма; само же приятие революции было чисто трагическим).

Так или иначе, но уход свой Блок продумал и прочувствовал именно в общекосмическом контексте, в контексте плывающегося мира, возвращающегося к первозданному хаосу, чтобы затем развитие пошло по новому витку.

Как-то в разговоре с Вс. Рождественским Блок признался:

Знаете, я много думаю сейчас о революции. Для меня это не только коренные изменения всей внешней жизни, а нечто гораздо большее. Это прежде всего новый человек, такой, какого мы еще не знали на земле. И то, что я говорил сейчас о хаосе в сознании, я отношу исключительно к самому себе. Вы можете меня не слушать, но вы задали мне вопрос о стихах, и я должен вам ответить. Да, внутренним слухом я сейчас в каком-то грохоте и шуме, и это, пожалуй, единственная моя радость, хотя и мучительная, должен сказать. Видите ли, меня все же не покидает вера, что хаос превратится в звуки. Если не для меня, то для других. Из хаоса рождается космос — так говорили когда-то греки. Мне грустно, что у меня не хватает слов, чтобы сказать об этом так же ясно, как говорили они много веков тому назад. Но у них была наивная детская душа. Мы же, в особенности люди моего поколения, перегружены сомнениями и тревогами. Сколько сил потрачено напрасно.³⁶

По общему убеждению, Блока выделяла из всего его поколения и особенно его круга именно *наивная детская душа*. Во всяком случае, он ближе остальных оказался к древним грекам и чувствовал это. Их способ бытия был для поэта отнюдь не чужой. Но приведенные слова Блока свидетельствуют не просто о близости к древним грекам.

³⁶ Вс. Рождественский, „Александр Блок“, *Александр Блок в воспоминаниях современников*, т. 2, 208–209.

То, что Блок сказал Рождественскому о характере и направленности античного мироощущения, прежде всего имеет отношение к стоикам, к их доктрине неизбежного воспламенения (возвращения к огненному прото-субстрату) и неизбежного же возрождения мира. Менее всего я склонен предполагать, что Блок подражал стоикам. Дело тут именно в органическом родстве, в том обстоятельстве, что разумно-пламенная душа поэта чуяла грядущее воспламенение мира, с необыкновенным упорством и последовательностью открывала наступление родной всепоглащающей стихии. Приход ее был губителен для многих, и для Блока в том числе, и потому многие отказывались замечать всю необратимость воспламенения мира, но только не Блок.

Он спокойно и твердо ждал стихию огня, родную и одновременно гибельную. Ждал всегда. И не только в плане социальных катастроф, но и катастроф личных. И тут возникает еще одна (дополнительная) общность со стоической доктриной.

Часто принято стоиков считать ригористами, аскетами. На мой взгляд, такой подход – просто результат путаницы, и вот почему. Стоическое бесстрашие (атараксия) как идеал философа (т.е. алчущего мудрости) отнюдь не означает отказ от страстей. И бурная жизнь Сенеки отнюдь не находится в противоречии со стоическим идеалом. Атараксия строится отнюдь не за счет отказа от страстей. Она не имеет ничего общего с христианским умерщвлением плоти.

Стоик не может игнорировать страсть, ведь она часть природы. Но он и не отдается ей чисто механически. Он вслушивается, вживается в страсть, нащупывая ее место в мировом оркестре, улавливая ее неизбежность и закономерность.

Стоик должен не утонуть и не захлебнуться в страсти, а оказаться на гребне волны. Именно так происходило и с Блоком. Более того, предчувствие личных и общественных катастроф для него существовало в едином огненном вихре. Он отдавался любовным и социальным бурям именно стоически.

В *Записке о „Двенадцати“* Блок, например, признался:

...в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией.³⁷

Блок тут говорит непосредственно о социально-общественных потрясениях. Однако эти слова вполне применимы и к любовным страстям, бушевавшим поэта. Все дело в том, что „согласие со стихией“ имело для него

³⁷ А.А. Блок, *Собр. соч. в 8-ми т.*, М.-Л. 1960, т. 3, 474.

глобальное значение. Он считал, что разумнее, продуктивнее, целесообразнее именно *отдаваться* стихии будь то любовное или социальное потрясение. В этом и был для Блока главный жизненный подвиг.

Насколько был ограничен такой сплав (соединение интимного и общественного)? И чем можно объяснить всеохватность, универсальность блоковского „согласия со стихией“?

Для стоика Хрисиппа душа есть лишь фрагмент мировой души (пневмы), а страсти человеческие есть напряжения пневмы. Душа – это „осколок“ космической души,³⁸ душевная пневма есть наиболее тонкая часть космической пневмы. Согласно классическому стоическому определению (предполагают, что оно представляет собой фрагмент из трактата Хрисиппа *О душе*), душа – это „огонь, или тонкая пневма, разлитая по всему одушевленному телу“.³⁹

А.С. Степанова отмечает, характеризуя позицию ранней Стои и прежде всего Хрисиппа:

В приверженности страстям проявляется жесткая зависимость человека от причин. Человек пассивен, если его рассматривать сквозь призму страстей. Но в этой теории – попытка соединения отношения между разумом и побуждениями (порывами). Импульс находится в согласии с разумом, так же как ноги идущего послушны ему. Более того, импульс – это сам разум, повелевающий человеком, являясь частью души. Но одновременно импульс – нечто отличное от разума, такое, над чем разум иногда не имеет контроля, хотя и существует связь между ними... Хрисипп упоминает о „непокорном разуме“, проявляющемся бурным образом...⁴⁰

Суммируя и уточняя этот тонкий, изощренный анализ, можно сказать, что стоик не просто отдается страстям, а отдается им, чувствуя, что они входят в общемировой космос, убеждаясь, что они неизбежны. Так и Блок воспринимал наплывающие на него катастрофы, разверзающиеся под ним бездны в принципе в едином ключе, который наиболее логично было бы определить как стоический.

Блок в полной мере обладал проявляющимся бурным образом „непокорным разумом“, о котором говорил Хрисипп. Более того, он принимал обрушивавшуюся на него страсть (личную и общественную) как удар судьбы, от которого невозможно отклониться.

Модель такого поведения была сформулирована поэтом в драматической поэме *Песня судьбы*. Герой ее – Герман – уходит из дому, томимый

³⁸ Неразрушима только душа целого, частицами которой являются души живых существ (Диоген Лаэртский, *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*, 292).

³⁹ J. Arnim, *Stoicorum veterum fragmenta*, Lipsiae 1903, t. II, 785.

⁴⁰ А.С. Степанова, *Философия древней Стои*, 195–196.

неясными предчувствиями, покидает мир покоя, тишины и радости. Он признается:

Да, я ушел из дому, я понял приказание ветра, я увидел в окно весну,
я услышал песню судьбы.⁴¹

Встреча с Фаиной кристаллизует смутные предчувствия. Страсть к Фаине Герман постигает как веление судьбы. Он говорит Фаине: „На лице твоём – вся судьба! Ты – день беззакатный! Час пробил!“⁴²

Отворачиваться от судьбы бессмысленно и глупо. Разумнее всего идти ей навстречу. Этот вывод диктует путь Германа. Такова философия драматической поэмы. Так поступал в своей жизни Блок, бесстрашно отдававшийся притяжению страстей. Он чувствовал гибельные последствия, видел, как они вырисовываются, маячат в глубине совершаемых им поступков, но продолжал идти вперед, ибо ощущал в засасывающем его пожаре закон судьбы, а не волю случая.

Он знал, что все равно не отвертеться.

Смолodu Блок чувствовал на себе отсвет зарева (еще неосознанно, неотчетливо). Причем, не только на себе, но и в себе. Поразительно, но уже восемнадцатилетний Блок – в 1898 г. – ощущал и показал, как начинает переполняться пламенем, начинает пронизываться стихией огня. Процесс такого внутреннего пронизывания огнем с болью и мукой был осознан им как абсолютно неизбежный:

Какая боль, какая мука,
Мне в сердце бросили огня!
Поддай спасительную руку,
Спаси от пламени меня!

О, нет! Молить Тебя не стану!
Еще, еще огня бросай,
О, раставляй живую рану
И только слез мне не давай!

Зачем нам плакать? Лучше вечно
Страдать и вечный жар любви
Нести в страданья бесконечном,
Но с страстным трепетом в крови!⁴³

Осудив себя переполняемым пламенем, Блок пришел к предчувствию, что под угрозой воспламенения находится весь мир. Гибельность своего

⁴¹ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, Л. 1981, т. 3, 133.

⁴² Там же, 136.

⁴³ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, Л. 1980, т. 1, 55.

пути стала им осознаваться как знак гибели мира. В январе 1899 года он написал:

Ослепнем в царственных лучах
Мы, знавшие лишь ночь да бури,
И самый мир сотрется в прах
Под тихим ужасом лазури...⁴⁴

А еще через год – в 1900 г. – предчувствие перешло в убежденность:

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.⁴⁵

Приближение огненной стихии становилось для Блока все более осязаемым, приобретало все более реальные очертания, хотя довольно долго все еще было неясно, что оно несет ему – гибель или возрождение. В 1908 г. Блок писал:

Распалась месь Культиуры, которая вздыбилась „стальной щетиною“ штыков и машин. Это – только знак того, что распалась и другая месь – месь стихийная и земная. Между двух костров распалившейся мести, между двух станом мы и живем. Оттого и страшно: каков огонь, который рвется наружу из-под „очерепевшей лавы“? Такой ли, как тот, который опустошил Калабрию, или это – очистительный огонь?⁴⁶

Скоро Блоку стало ясно, что мир его будет полностью истреблен огнем. И он начал ждать. Нет, пошел навстречу стихии. Об этом свидетельствуют не только стихи и проза поэта. К последнему году жизни Блока, когда огонь пронизал весь его организм, он весь как-то почернел, обуглился. Вглядитесь в его поздние фотографии...

Итак, Блок от ощущения своей внутренней воспаленности шел к постижению грядущей и неотвратимой воспламенности мира. В.А. Зоргенфрей в своих воспоминаниях о Блоке с громадной проникающей силой отметил:

⁴⁴ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, т. 1, 63.

⁴⁵ А.А. Блок, *Собр. соч. в 6-ти т.*, т. 1, 105–106.

⁴⁶ А.А. Блок, „Стихия и культура“, *Соч. в 2-х т.*, 101.

...Бури жизни обветрили прекрасное лицо; гибельные пожары опалили чело заревом; но в открытом взоре — холод и свет алмазного сердца... Никто явственнее, чем Блок, не чувствовал связи между стихиями, потрясающими мир, и бурями, волнующими душу.⁴⁷

Этот путь-постижение приближающейся катастрофы (воспламенения) через ритмы, сотрясающие душу поэта, удивительно соответствовал стоической доктрине независимо от того, думал или нет о ней Блок, прозревая приближающуюся катастрофу. Просто его разумно-пламенная душа чуяла грядущее воспламенение мира. Просто по внутренней сути своей Блок был стоиком.

Существенно, что для стоиков душа человека и прежде всего ищущего мудрости — это не просто часть мировой души, часть огненной пневмы. По их убеждению, душа ищущего мудрости, ищущего гармонии с природой активно участвует в космическом процессе, в осуществлении космических циклов, в гибели и возрождении миров.

Пневма (огненный эфир, воздух-огонь) — движущая сила и всеобщая связь, и она обладает функцией порождения жизни, осуществляемом через особые „семенные логосы“ — своего рода сгустки „творческого огня“.⁴⁸ Душа ищущего мудрости, ищущего согласия со стихией, будучи отпечатком мировой души, в каком-то смысле тоже есть „семенной логос“, сгусток „творческого огня“. Это удивительным образом соответствует внутреннему самоощущению Блока.

Из трех глав поэмы *Возмездие* им не была написана — и, видимо, не случайно — именно вторая, в центре которой должен был находиться „сын этого „Демона““ (т.е. сам Блок). Но остался план главы, представляющий собой уникальную по своей глубине автохарактеристику:

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого „демона“, наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, — бесчувственному сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.⁴⁹

Как видим, Блок постигал себя как „сперматический логос“, как сгусток „творческого огня“, как искру, которая не просто залетела, но и осве-

⁴⁷ В.А. Зоргенфрей, „Александр Александрович Блок“, *Александр Блок в воспоминаниях современников*, М. 1980, т. 2, 22.

⁴⁸ J. Arnim, *Stoicorum veterum fragmenta*, Lipsiae 1903, t. I, 497, t. II, 102.

⁴⁹ А.А. Блок, *Собр. соч. в 8-ми т.*, М.-Л. 1960, т. 3, 299.

тила мир. Это не случайное совпадение со стоиками. Все дело в том, что Блок ощущал себя в общекосмическом тоне, ощущал свою прямую зависимость от него. Именно поэтому поэт мыслил и поступал в соответствии с велениями своей судьбы, которая отнюдь не была только его личной судьбой. Он знал об уготованном ему трагическом пути. И он прошел его. Как стоик.

* * *

Почему теперь, по прошествии стольких лет, мы должны по инерции оценивать Блока, непременно исходя из представлений начала XX столетия? Почему мы вслед за современниками Блока должны забывать о подлинной духовной родине поэта, о совершенно реальных истоках его тонического ритма, о стоических истоках его вслушивания в зовы судьбы?!

Конечно, признать Блока стоиком – это, значит, отказаться от традиционного хронологически-стадиального построения истории литературы, что нелегко, ибо стереотипы восприятия для человека имеют громадное значение. Преодоление их сопряжено с исключительными внутренними сложностями.

Однако если, остаться в плену у шаблонного мышления, и осмысливать Блока вне стоического контекста, то многое в нем останется туманным, загадочным и необъяснимым. Как бы то ни было, но, убежден, что Блок просто требует, чтобы его рассматривали и в стоическом ракурсе, а не только исходя из норм символистской эстетики.

Но все-таки как же можно объяснить то, что человек начала нашего столетия может оказаться стоиком в античном смысле (не в плане полного совпадения, а органичного родства)? Объяснение этого феномена я нахожу у стоиков.

Эпикур ввел понятие *prolepsis*, которое в рамках его школы стало трактоваться, как память. Хрисипп положил это понятие в основу стоической доктрины, радикально преобразовав вкладываемый в него смысл.

А.С. Степанов в исследовании *Философия древней Стои* подчеркивает, что „у стоиков“ *prolepsis* априори присущ душе и, наряду с опытом, включает также и некоторое душевное предрасположение”.⁵⁰

Для стоиков *prolepsis* означал не знание, а именно предрасположение к нему, своего рода духовно-интеллектуальное русло. *Prolepsis* был тем внутренним принципом – рационально не сформулированным, смутно ощущаемым и предчувствуемым и вместе с тем структурно определенным

⁵⁰ А.С. Степанова, *Философия древней Стои*, 72.

—, который предшествовал и глобально предопределял общий тон или уклон в восприятии мира, в общем отношении к жизни.

По предположению Поленца,⁵¹ классическая работа которого *Die Stoa* до сих пор не утратила во многом своего значения, стоический *prolepsis* есть результат саморазвития природных задатков в направлении, определяемом первичной склонностью (*prima concilatio*). Через первичную склонность человек у з н а е т родное, близкое и отторгает чужое. Таким образом, в понятии *prolepsis* подразумеваются никоим образом не врожденные понятия, а внутренняя направленность личности, особое устремление природы.

Стоицизм — это и есть *prolepsis* Александра Блока.

⁵¹ М. Pohlenz, „Die Stoa“, *Geschichte einer geistigen Bewegung*, 2. Aufl. Göttingen 1955, Bd. I, 58.